

-МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ-

СТРОКУ ДИКТУЕТ ЧУВСТВО

МЫ ГОВОРИМ, характер города, говорим, традиция театра. И часто забываем о том, что во многом их определяет, — о природе, климате, географическом ландшафте. Камчатский театр притулился к сопке, а за сопкой — океан. В окна фойе Владивостокской драмы зрители рассматривают суда, стоящие в заливе Золотой Рог. На тротуаре перед Сухумским грузинским драматическим театром имени К. Гамсахурдия растут пальмы. Сухумские солдаты, добросердечные и темпераментные горожане, репетиционные будни — все осталось позади, и начались первые для театра гастроли в весенней Москве. Артистов из Сухуми принял Театр имени А. С. Пушкина на Тверской бульваре: они вышли на сцену легендарного Камерного театра, на подмостки, знавшие Алесу Коопен.

Сухумцы привезли шесть спектаклей. Ну что ж, всего не покажешь, а гастрольный репертуар выглядит сбалансированно.

«Закон вечности» Н. Думбадзе (режиссер Г. Жордания) полифоничен, как и романы замечательного писателя. Здесь сохранен юмор Думбадзе, эпическое дыхание его письма. В окруженное светлыми занавесами пространство сцены сопровождаемые всем сирены бегут люди, остаются, а кто-то произнесет: «инфаркт». Койку Бачана Рамизвили откатят в сторону, а на сцене побудет сменить друг друга картины его воспоминаний. Сначала отдельными словами, потом репликами, целыми фразами Бачана начнет участвовать в действии, пока, наконец, сом не сомкнется с реальным течением жизни. Тогда герой встанет, преодолев болезнь, сделав открытие, что «душа человека тяжелее его тела», а любовь к бытию безмерна... «Венецианский купец» Шекспира (режиссер Д. Александров) поставлен в легких, розового тона декорациях, на которых тонким перышком, ажурно, кружевно написаны деревья и птицы. Танцы спектакля тоже легки, как цветные ленты на костюмах танцовщиц, тарантелла воздушна. В этот безмятежный христианско-пасторальный мир кинжалом вонзается мощная, трубная нота, сопровождающая Шейлоу...

«День приема» А. Чхадзе деловит, как деловитая атмосфера радиостудии. В какой-то степени название говорит нам не только о дне приема у председателя горисполкома, но и о режиссерском приеме, одном-единственном, но последовательно воплощенном. Театр не скрывает своей изнанки, пользуясь глубоко конкретным переносом действия в радиотеатр, где артисты разыгрывают (не забывай о микрофонах и поднимаясь громким указанием режиссера) пьесу драматурга Чхадзе...

«Числа» М. Вузия, обладающая единством места и времени, оказывается у сухумцев очень разговорным спектаклем, членимая на диалоги. Действие происходит в сером, как бы металлическом пространстве, которому соответствуют серые костюмы действующих лиц.

«Десница великого мастера» К. Гамсахурдия — историческая эпопея, слетающая две судьбы, царя и гениального строителя, под сводами храмов и крепостей. Сюжетные события, пронизанные философскими размышлениями о судьбах мира, нашли цельную, эстетически содержательную форму.

«Фронт» А. Корнейчука поставлен не как последовательно развивающиеся действия, а как отобразившие страницы пьесы, чередующиеся с пластическими сценами. Все это призвано выражать героическое и патристическое отношение к вой театр...

Последние четыре спектакля поставил художественный руководитель театра Г. Кавтарадзе.

В работах сухумцев мы встретились с тем особым способом сценического существования, который, являясь по сути глубоко бытовым, учитывающим реальность, окружающую актера на сцене как реальность жизненную, остается эмоционально привлекательным. Потому часто кажется, что артисты, глядя друг другу в глаза, видят не только собеседника, но и что-то гораздо более значительное. В сухумских актерах живет негасимый огонь внутренней страсти.

В «Закон вечности» рядом с сугубо психологическими картинами предстает энциклопедическая сцена кумушек-сплетниц, отчаянно и ритмично бьющих пестиками по пустому дну стулов; астрадный скетч о появлении «близкого родственника»; сочный антерский этюд про то, как попу укол делали; поэтическая сцена сумасшедшей Марго. Жанровые зарисовки легко соединяются с гротеском и лирикой, соединяются с помощью особых сценических рифм, например, умирающие герои очень просто уходят с платном и безжизненно повисшей руше.

Бачану Рамизвили играет Гогт Кавтарадзе. Его Бачана — человек с природным юмором, человек мягкий, но в вере своей негибкий. Бачана, наш современник, герой романа, сыгран артистом очень просто. Кавтарадзе словно о друге нам рассказывал или о соседе.

В Шейлоу же у него была черточка внешнего облика создавая специально и осмысленно художественно. Раскачивающаяся походка, перебирание золотых четок, постоянно живущая в герое сосредоточенность на чем-то своем, другим неизвестном... Кавтарадзе рассказывал о мужестве воли, о мужестве охотников, о злости и отчаянии загнанного человека. Мы не увидим на сцене, как травил Шейлоу, мы увидим, как рвется он к мести и не достигая своего. Кавтарадзе сыграл мощь личности, имеющей право на дьявольский хохот, когда дотоле благородно индифферентная толпа бросятся в пыль за золотыми косточками разорвавшихся четок.

Фарсман Перс из «Десницы великого мастера» — хитрец и философ, рассуждающий о высоком и возмущающий подвешенный. Кавтарадзе уверенно пользуется палитрой разнообразных красок, особенно умеет и любит он играть хитрость — полную, но всем заметную.

Спектакли Сухумского театра оформляли разные художники, а кажется, что один. Ну добро бы, режиссер был единственный, почему-то подчиняющий их такой задаче. Там ведь вет. Что это, странная традиция данного театра или автоматизм, инерция просторанственного мышления? Действие всех спектаклей окружено тремя стенами или занавесами — светлыми в «Закон вечности», розовыми — в «Купце», коричневыми — в «Деснице», черными — в «Дне приема», серыми — в «Числах» и темными (с прожженным дырами) — у «Фрон-

та». В центре сцены — пусто: время от времени появляются небольшие предметы — больничные койки, современные кресла, трон, макет корабля... Сверху почти во всех спектаклях что-нибудь да спускается, что-нибудь да повисает — птицы, абакур, барабан, микрофон, фреска, стены храма, просто канаты и т. д. Создается, на мой взгляд, излишне однообразная картина, не используются многие возможности театра.

Театр обладает высокой пластической и музыкальной культурой. Замечательна музыка С. Цинцадзе к пьесе Шекспира. Правда, режиссура ни разу не удержалась от «режиссурных эпизодов», когда зрителю «помогает» ритмичная музыка. Вряд ли театру стоит выпрашивать хлопим, надо получать заслуженное, а не проводить ритмичку ладоней, похожую на «аэробикку». Патетическая сдержанность, строгость пластических сцен «Десницы великого мастера» прекрасны своим соответствием остальной жизни спектакля. А вот балетные движения, изображающие во «Фронте» бой, смотрятся бутфорскими, абстрактно героическими.

Режиссерскому почерку Кавтарадзе присуща внутренняя энергия, его постановки динамичны, но не всегда отвечают строгому вкусу. Лучшая работа — спектакль по роману Гамсахурдия, где умело стилизовано время, где воссоздан истинный эпический размах событий. Кавтарадзе приблизил мир автора к миру шекспировскому, с его затененной силой, сочетанием трагедии и веселого разгула. «Фронт» поставлен несколько формально, в нем так и не было найдено гармоничного союза быта и условных приемов, и возник схематизм. Герои, выходящие из боя в выглаженных гимнастических, доверия не вызывают. Античная же форма статичного диалога предлагает испытать уважение и монументам, а нам бы людей понять да полюбить. «День приема» решен сухо, но точно. А вот «Числа», пьеса об этике, чести и человеческих эмоциях, решена почему-то как производственная драма, на сей раз сухо, но неточно. Кавтарадзе и в режиссуре, подобно антерскому творчеству, выполняет обычно локальные задачи: когда идет диалог двух персонажей, он обычно понят глубоко, но остальная сцена мертва. Режиссура — целостное видение мира в зеркале театра. У Кавтарадзе же часто действуют лишь лица действующие.

Сухумский театр — труппа замечательных артистов. Мы были рады встрече с Н. Бекаури и Д. Дзидзиди, с М. Чубенидзе и Г. Сирадзе, с В. Аргалаши, Л. Хурти и многими другими талантливыми.

Широкоупотребимое выражение «творческий отчет» все-таки имеет канцелярский оттенок. У артистов каждый вечер творческий отчет. Вот творческий отчет после столетних гастролей пойдет совсем иной. Долго еще в театре будут говорить: это было до гастролей в Москве, а это случилось уже после!

Мы познакомились со страстным, живым искусством Сухумского театра. Зрители, смотревшие спектакли, принимали гостей тепло и радушно.

Владимир ОРЕНОВ.